

Мирзаев Дж.З.
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ИСЛАМСКОГО ПЕРИОДА
В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКАХ

Сохранившиеся письменные источники, как правило, не описывают события прошлого в хронологическом порядке и, собственно говоря, не представляют истории общин: в большинстве случаев они посвящены правителям, описывая историю династий и деятельности известных личностей, уделяя недостаточное внимание коллективной идентичности простого народа. Понять, как они себя идентифицировали, крайне сложно, ведь до наших дней дошло лишь небольшое количество письменных источников. Однако можно рассмотреть несколько проявлений идентичности, иногда перекрывающихся. Это религиозная идентичность или идентичность, связанная с местными сообществами и кланами. Историографическая традиция Центральной Азии отражала фрагментированную этническую историю и манипулировала историческими символами, часто основанными на мифических историях. Многие этносы, например, претендовали на родство с Александром Македонским, персидскими царями, пророком Мухаммедом и его сподвижниками, Чингисханом и монголами, не представляя при этом единой этнической общности. С другой стороны, исходя из политических реалий того времени, можно констатировать, что различные группы обычно объединялись в единую общность.

Завоевания, связанные с распространением ислама, повлияли на этническую ситуацию в Центральной Азии, приведя к сокращению местного населения в результате войн и вынужденному переселению его за пределы Арабского халифата, а также заселению на их место вновь прибывших иммигрантов из арабского и персидского происхождения. Миграция из Ирана в Центральную Азию началась еще во второй четверти VII века, когда арабы завоевали Иран, в результате этого часть населения Сасанидской империи переселилась в страны Востока. Значительную часть войск завоевателей на раннем этапе ислама составляли их подручные *маулави* – иранцы, принявшие ислам. Завоевав города, завоеватели заключали с местными жителями договоры, по которым, кроме выплаты непомерно высокой контрибуции, местные жители должны были освободить половину города и отдать воинам половину своего дома. Часть местного населения покинуло свои земли и переселилось в Семиречья, Восточный Туркестан и Китай [1, с. 146].

Большая часть территории Центральной Азии стала называться «Хорасан». Эти процессы нашли отражение в сочинении Наршахи, который отмечал, что «при Кутайбе ибн Муслиме все города Мавераннахра были разделены между арабами и персами», а также в сочинении Махмуда Кашгари, согласно которому, «когда число персов значительно увеличилось в городах Мавераннахра, они ходили на города Аджамы» [4, с. 164].

Ислам изменил не только социально-экономический облик общества, но и идентичность его членов, при этом идентичность, связанная с местными общинами и кланами, сохранилась. Однако ислам не только игнорировал эти этнические предрассудки, но и вел с ними борьбу. Эти процессы нашли отражение в письменных канонах ислама. В Коране сказано: «О человечество! Воистину, Мы сотворили вас мужчиной и женщиной, создали вас народами и племенами, чтобы вы уважали друг друга, ибо самый уважаемый Аллахом из вас – самый благочестивый» [2, 49:13]. Этот *аят*, а также *хадисы*, т.е. высказывания и поведение Пророка, а также его отношения с различными общинами способствовали определению пути Ислама в этом направлении. Поэтому в хадисе подчеркивается: «О люди! Помните, что Господь ваш един, и ваш отец един (все люди произошли от Адама и Евы). Помните, араб не обладает превосходством над неарабом, а не араб не имеет преимуществ над арабом; так же, как белый не обладает превосходством над чернокожим, а чернокожий не имеет преимуществ над белым, кроме как в благочестии и добрых делах». В исламе прежде всего духовная близость, а не принадлежность к клану или племени. Именно поэтому в Коране чаще упоминается термин *умма* – «община»: «Поистине, ваша община – община единая» [2, 21:92].

Эта идеологическая установка предопределила активную социальную динамику в период зарождения ислама. Между тем, принцип, на котором основан исламский подход к этническому вопросу, включает в себя также понятие божественного указа и положение мусульманской идеологии о том, что все сотворено Аллахом – и природа, и люди – не могут быть изменены человеческими усилиями. Следуя этим исламским положениям, воссоединение людей в этнические общности внутри религиозной общности является вечным и непреложным, поскольку в Коране сказано, что Аллах сотворил людей в «народы и племена». Параллельно со структурами этнических общин сосуществовало формирование общей общины с новой иерархией во главе с *ахл ал- байт* – членами семьи Пророка.

Таким образом, люди идентифицировали себя прежде всего, как мусульмане. Этническая принадлежность еще присутствовала, но осознание своей общности как мусульман проявлялось более ярко и глубоко. Ситуация была такова, что, с одной стороны, исламские установки не способствовали этничности, а с другой стороны, реалии были совсем другими.

Одним из наименее изученных явлений является идентичность, основанная на языковом признаке. Адиб Собир Термизий писал свои стихи на языке, который он обозначил как *дари* – широко распространенном в то время в Термезе языке. «В городе не осталось дома, куда дари не вошел», – констатировал поэт [5, с. 174]. Таким образом, наряду с древнетюркским и арабским, большое развитие получили и разновидности персидского языка, на котором были созданы шедевры мировой литературы. Последователи тюркской культуры, например, использовали все три языка мусульманского мира – арабский, персидский и тюркский. Таким образом, в исламском ареале, в тюркской среде, сложилось трехязычие: арабский как язык религии и науки; Персидский как язык поэзии и тюркский как язык повседневного общения. В этом отношении творчество Ахмада Яссави, Алишера Навои, Бабура имеет большое значение, так как в них на тюркском языке отражены ценности эпохи. Следуя традиции, они включают в себя общие вопросы восточной литературы, но рассматривают эти вопросы через призму тюркской идентичности. Например, наследие Ахмада Яссави очень важно для анализа изменений в самосознании, развития суфийской идеологии и многих других форм духовной жизни общества. Вопросы идентичности составляют существенный слой в наследии Ахмада Яссави. Процесс идентификации в ней развивается в направлениях исламского сообщества, когда важно было определить положение человека прежде всего по отношению к Богу.

Средневековые источники редко, если вообще, когда – либо, дают прямые свидетельства или точные данные об этнической принадлежности многих известных деятелей науки и культуры среднеазиатских народов Средневековья. Задача еще больше усложняется тем, что многие из них носили араба– мусульманские имена, что делает невозможным определение их истинного происхождения. Письменные источники содержат прямые ссылки на относительно небольшое число из них.

Нашествие Чингисхана в начале XIII века изменило этническую картину Центральной Азии. Теперь различные этнические общности, ввиду политических реалий того периода, претендовали на родство с Чингисханом и монголами. Как выразился историк XIV века Рашид ад– Дин, «в настоящее время благодаря процветанию Чингисхана и его рода, так как они монголы – [различные] тюркские племена, такие как *джалаиры*, *татары*, *ойраты*, *онгуты*, *кераиты*, *Найманы*, *тангуты* и т. д., каждый с определенным именем и особым прозвищем – из – за биения в груди – называют [тоже] себя монголами, несмотря на то, что они не признавали этого имени в древности. Таким образом, их нынешние потомки воображают, что они принадлежат к имени монголов еще с древних времен и носят [это] имя, но это неверно, потому что в древности монголы были [лишь] одним племенем от всей тюркской семьи степных племен» [5, с. 102–103]. Согласно средневековой литературе, среди них только два племени – кияты, из которых происходил Чингисхан, и *хонкираты* (по преданию, впоследствии преобразованные в *кунграты*), из которых происходила его мать, – были связаны традиционными родственными узами. Как писал Рашид ад – Дин, *хонкираты* принадлежали к племенам, которые были известны как монголы, но не были настоящими монголами. Они входили в состав армии Чингисхана и имели большое значение при дворе. В последующие годы, согласно средневековым источникам, кунграты играли важную политическую роль при дворах многих правителей на всей территории Евразии. Политическое господство кунгратов на территории южного Узбекистана, согласно письменным источникам, было связано с вторжением Шейбани–хана в Мавераннахр и образованием вследствие этого кунградского юрта. Источниками, в которых зафиксированы подробности краеведческой истории Кунгратов, являются эпические поэмы «*Шайбанинома*» и «*Алпымыш*» и многие другие монументальные произведения.

Анализ исторических источников позволяет констатировать следующий принцип: если имя вождя – чагатай, то все подчиненные соплеменники и земляки называли себя чагатайцами; Ногайхан – ногайцы, Узбекхан – узбеки. Так, историк XVII века Махмуд ибн Вали констатирует, что «Народ Туркестана в каждую эпоху имел особое имя и прозвище. Так, со времени Тура ибн Йафаса до появления Могулхана, жителей этой страны называли тюрками. После становления у власти Могулхана ко всем племенам, обитавшим в этой стране, прилагалось имя могул. После поднятия государево знамени Узбек– хана и по сей день, жители этой страны именуется узбеками. Однако в отдельных странах, как и раньше, всех жителей Турана называют тюрками» [3, с. 32]. Авторы других средневековых произведений также указывают на ряд проявлений идентичности, иногда совпадающих, например, с исламской идентичностью и идентичностью, связанной с локально – территориальными общностями и коренными традициями.

Изучение средневековой этнической терминологии последних лет позволяет сделать важные выводы, из которых следует, что этнонимы средневековых источников не абсолютны только по отношению к этносу, но содержат общее, укоренившееся в традициях представление о географическом положении и характеристиках этноса. Этнические группы. Поскольку большинство восточных авторов использовали метод компиляции, этническая классификация могла быть для них актуальной, но в то же время отражать уже иную в настоящее время этнополитическую ситуацию. Этот аспект кейса применительно к исходной информации разработан недостаточно.

Анализ источников свидетельствует о том, что в сознании историков постепенно происходило определенное сужение этногеографических представлений о регионе. Это сужение развилось от более частной схемы к более абстрактной. Первоначальные сведения, скорее всего, снабдили их списками племенных названий, а не областей, и лишь позднее историки предпочитают давать обобщенный список завоеванных монголами земель, переводя названия некоторых племен в названия стран и областей, либо использовать оба варианта параллельно.

Аспекты истории этнических общностей Центральной Азии, как правило, относятся к числу малоизученных, что обусловлено многими факторами, в первую очередь малочисленностью и противоречивостью письменных источников. Именно поэтому любые информативные исходные данные приобретают особую ценность. Разбросанность и исключительная сложность материала являются причиной того, что ранее предпринимались лишь единичные попытки изучения и систематизации исходных материалов. Между тем именно системный анализ материала позволяет прояснить многие важные вопросы, связанные с возникновением и развитием той или иной этнической общности. Поскольку прирост новых источников свидетельств в ощутимых количествах вряд ли возможен, остается рассчитывать на совершенствование методов исследования, на обоснованное и более объективное, чем было раньше, переосмысление уже известных фактов.

1. Колесников, А. И. Завоевание Ирана арабами (Иран при «праведных» халифах) / А. И. Колесников. – Москва : Наука, 1982. – 270 с.
2. Коран, 49:13, 21:92.
3. Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География) / издание Б. А. Ахмедова. – Ташкент : Фан, 1977. – 166 с. и 16 с. текста факсимиле.
4. Махмуд Кошғарий. Девону луғоти–т–турк. Туркий сўзлар девони. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов. 3 жилдлик. – Тошкент : Фан, 1963. – Т. III.
5. Мирзаев, Дж. З. Поэзия как источник изучения городского самосознания населения средневековья. История и самосознание III: изложение истории в Узбекистане и в Германии. – Ташкент, 2008. С. 174–182.
6. Рашид ад–Дин. Сборник летописей. – Том I, Книга первая / перевод с персидского Л. А. Хетагурова ; редакция и примечания А. А. Семенова. – М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР. 1952. – 214 с.

Мартынюк А.В.
НЕМЕЦКАЯ РЫЦАРСКАЯ ПОЭЗИЯ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XIV ВЕКЕ¹

Доминантой внешнеполитического положения Великого княжества Литовского на протяжении всего XIV века было военное противостояние с Тевтонским орденом в Пруссии и Ливонии. В этой войне на стороне Ордена выступали рыцари из всех стран Латинского мира, прибывавшие в Пруссию для участия в *рейзах* (крестовых походах) против «язычников и схизматиков». Автор данных строк неоднократно обращался к этой проблематике в своих работах. В настоящей статье предметом рассмотрения будет один из видов источников по данной теме, а именно средневековая рыцарская поэзия на немецком языке. Целью статьи является общий обзор памятников рыцарской поэзии, содержащих информацию о Великом княжестве Литовском.

Можно выделить два сравнительно крупных комплекса интересующих нас памятников. Первый из них относится к Австрии и связан с деятельностью Петера Зухенвирта, поэта и герольда при дворе австрийских герцогов с 1377 по 1395 г. Произведения (похвальные песни) Зухенвирта были изданы в 1827 г. историком и собирателем древностей Алоизом Примиссером [8]. Пять песен, не вошедших в издание А. Примиссера, были опубликованы Готфридом Эдмундом Фрисом в 1878 г. [4]. Данные издания были подготовлены на хорошем уровне, но в настоящее время уже устарели. Похвальные песни Зухенвирта давно вошли в научный оборот как замечательный памятник рыцарской культуры Средневековья. Однако по отношению к ним как к историческому источнику долгое время господствовала гиперкритическая точка зрения. По нашему мнению, данная позиция не находит обоснования в исследуемом материале. Проведенный нами анализ показал высокую достоверность произведений Зухенвирта, сведения которых находят подтверждение в других источниках [1, с. 225–402; см. также: 7, S. 336–356].

Интересующая нас тема участия австрийского рыцарства в рейзах в Пруссию хорошо представлена в похвальных песнях. Информация о походах на Литву и Русь содержится в 12 песнях (из 18), посвященных отдельным рыцарям. Это чрезвычайно высокий показатель, свидетельствующий о том высоком месте, которое занимали рейзы в рыцарской культуре своего времени. Как правило,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке БРФФИ в рамках НИР «Князь Ольгерд и амир Тимур: актуализация Средневековья в исторической памяти Республики Беларусь и Республики Узбекистан на национально-государственном и региональном уровнях» (Договор № Г22УЗБ-065 от 04 мая 2022 г.).